

книжный рынок тонул в «магиях любви» и «эротических романах», К. поет свой гимн любви, девической чистоте, мужской силе, рассматривая сущность мужского и женского начал как проявление «закона Высшего», сверхприродного, нравственно-правильного (повесть «**Звезда моя, вечерница**» // Москва. 2002. № 5).

Используя худож. прием светописа, обладая способностью живописания словом и целостным взглядом на мир, К. в центр своего творчества поставил цельного человека, подлинный мир. «Все взаимодействует и все неразрывно, неделимо в его мире: окрестная природа, от которой и он сам, и его герои так зависят; человек, наделенной чувствительной, пылкой и беспокойной душой; его дом, родной круг, земля родины — место жизни и долгой, не вечной ли работы» — эта характеристика творчества писателя, данная И. Дедковым на вторую книгу писателя «**Сруб для родника**» (Наш современник. 1979. № 6), вполне справедлива и для всего творчества К.— писателя, с ясностью, духовной трезвостью и мужеством глядящего на жизнь.

К.— лауреат премии им. М. Горького за лучшую первую книгу (1979), лит. премии им. И. А. Бунина (1994), Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка» (1997), премии ж. «Москва» (2002).

Соч.: Сашкино поле. М., 1978; День тревоги. Челябинск, 1980; По причине души. М., 1981; Ein folgeschwerer Furd. ГДР, 1983; Unruhe. ГДР, 1985; Высокие жаворонки. М., 1986; Proklig Duse. Прага, 1987; Родное. М., 1987; На грани. М., 1988; Поденки ночи. Калуга, 1993; Свет ниоткуда. Оренбург, 1999; Звезда моя, вечерница // Москва. 2002. № 5; Пой, скворушка, пой // Москва. 2003. № 10.

Переводы: Нурпеисов А. Долг: пер. с казахского. Алма-Ата, 1984; 2-е изд. М., 1988; Лугинов Н. Песня белых журавлей: пер. с якут. М., 1985; Таган А. Чужой: пер. с туркмен. М., 1986; Таган А. Ключ от рая: пер. с туркмен. М., 1989. (Б-ка дружбы народов); Лугинов Н. Сэргэ: пер. с якут. // Роман-ж. XXI век. М., 2000. № 12.

Лит.: Машовец Н. О рассказах Петра Краснова // Лит. учеба. 1979. № 1; Можав Б. Самобытное нравственное отношение к предмету // Лит. Россия. 1979. 16 марта; Воронин С. Встреча с талантом // Огонек. 1981. № 11; Шкловский Евг. Вопросы и ответы // В мире книг. 1981. № 8; Георгиев И. Потеря горе // Лит. газ. 1981. 11 нояб.; Шкловский Евг. Нетерпеливые вопросы // Лит. обозрение. 1982. № 11; Кузин Н. По причине души // Лит. учеба. 1983. № 3; Куницын Вл. Вчера и сегодня // Лит. учеба. 1987. № 4; Шмаков А., Шмакова Т. Краснов П. Н // Урал литературный: Краткий биобиблиограф. Челябинск, 1988; Булин Е. Откуда сила в роднике //

Москва. 1988. № 2; Неверов А. Неподнятая целина // Лит. газ. 1988. 7 дек.; Одноралов В. Про родное // Южный Урал. 1988. 5 февр.; Курбатов В. К прежнему, целому человеку // Вечерний Оренбург. 1997. 27 марта.

К. А. Кокшенева

КРЕЧЕТОВ Виктор Николаевич [17.6.1942, с. Ракша Ракшинского р-на Тамбовской обл.] — прозаик, поэт, критик.

Родился в крестьянской семье. Отец после тяжелого ранения был мобилизован на трудовой фронт, где погиб в 1947, К. воспитывался матерью. Детство и отрочество прошли в с. Веселое Тамбовской обл. Рано познал крестьянский труд. В 1957 К. уехал в Челябинск, где закончил строительное училище, работал плотником на предприятиях города, резчиком по металлу, рабочим сцены в Челябинском театре оперы и балета. Одновременно учился в вечерней школе, занимался в драматической студии. С этого времени начал писать стихи, короткие рассказы, рисовать. Увлёкся М. Горьким, пытался «ходить по Руси» (в пределах Тамбовской области).

Первая публикация появилась в 1961 в Челябинске (газ. «Голос строителя»). Тогда же состоялась встреча с живым поэтом Б. Ручьевым. С 1963 по 1968 К. учился на философском ф-те ЛГУ. Некоторое время посещал лит. объединение при ж. «Нева», которым руководили Вс. Рождественский и Д. Остров, оказавший влияние на раннее творчество К. В студенческие годы, помимо философии, он основательно изучил русскую лит-ру и ис-



В. Н. Кречетов

куство конца XIX — начала XX вв. Увлёкся авангардом, стремясь найти свои формы отражения действительности. Примыкал к движению, получившему название нонконформизма. После окончания ун-та К. преподавал в вузах города философию и эстетику, работал редактором на телевидении, в Детгизе, др. изд-вах.

Первый рассказ **«Дождь»** К. опубликовал в газ. электротехнического ин-та им. В. И. Ульянова-Ленина «Электрик» 4 апр. 1969. В 1970-е — начале 1980-х печатал рецензии в газ. «Вечерний Ленинград» и «Смена». Его рассказы и стихи публиковались в ежегоднике «Молодой Ленинград», сб. «Глобус», «Истоки», «Точка опоры» и др. Они были замечены критикой. С. Воронин писал: «Вроде бы рассказы и просты по содержанию, но написаны они так, что, читая, не можешь остаться равнодушным, задумываешься, приобщаешься к происходящему, страдаешь. А это и есть то главное, ради чего существует литература» (Время итогов. Л., 1987. С. 390).

В начале 1980-х К. получил известность как лит. критик, чьи статьи и книги об актуальных проблемах текущей лит-ры (**«Это имя твое»**, 1983; **«Верность выбора»**, 1986) нашли широкий отклик. В 1989 К. был принят в СП СССР. С 1990 по 1993 исполнял обязанности ответственного секретаря Ленинградской областной писательской организации.

Начиная с 1989 К. опубликовал 6 сб. прозы: **«О любви»** (1989), **«Камни со дна реки»** (1990), **«Тайны любви»** (1991), **«Солнечный сентябрь»** (1998), **«Малышка-медуза»** (2000), **«Избранное. Проза. Стихи»** (2001). К. — признанный мастер короткого рассказа.

Ранние рассказы писателя, составившие цикл **«Домовой»**, почти целиком вошли в сб. «Тайны любви». Они написаны по воспоминаниям детства. Им присущи жесткость, порой жестокость, отличающая «деревенскую прозу» К. от той, какую создали мастера старшего поколения.

Большинство рассказов К. посвящено людям необычных судеб, увлечений, пристрастий. Один из рецензентов назвал их «малохольными». «Изведенные бесконечным самораскопом, герои Кречетова очень пугливы; они боятся мешающих отдаться чувствам химер» (Балуев С. — С. 76). Таковыми химерами оказываются ночной крик птицы (**«Крик совы»**), гроза, пугающая детей и лошадку (**«Маленькая история одной любви»**). Это незлобивые люди, вроде матери-одиночки Марии, работающей в книжном магазине

и мечтающей о том, что грузин Ваню увезет ее в персиковый сад на Кавказ, где есть самая большая гора (**«Персиковые сады»**), или обремененный семейными заботами Евгений Федорович, грезящий о девчонке, подарившей ему в детстве цветочек (**«Прекрасная незнакомка»**), незадачливый актер Генка Голосуев (**«Большая роль»**). «Хочется крикнуть углубленным в свои малохольные метания героям, чтоб вокруг все же услышали: люди, перестаньте <...> веровать в разную ахиною, живите вы наконец сами» (Там же).

Критики называют К. писателем-новатором, занятым поиском новых выразительных средств «малого жанра». Он «удивляет и очаровывает читателя хитросплетением сюжета, ведя повествование на самой грани достоверности <...> в этой „пограничности“ правды и вымысла — особая черта таланта» (Беззубцев-Кондаков А. Символика судьбы. // Музы на Фонтанке. С. 128). А. Рощин увидел в «литературных импровизациях» К. «тонкое слияние настоящей, как травяной взвар, глубинной России <...> с западной литературой „потока сознания“, порождающих сложную мозаичность образов, присущую только Кречетову-писателю, и какую-то „византийскую“ словесную вязь <...> Писатель открыл в этом свой собственный литературный мир и свою собственную манеру. Его текстура предстала то ясной и чистой, передающей характеры в их „нагой“ и чувственной прелести, то затуманенной, как морозное стекло, за которым угадывались картины, полные лирической грусти прерафаэлитов» (Лит. Петербург. 2001. № 5. С. 7). Давно наблюдающий за творчеством К. Н. Пантелеймонов заметил, что проза его «представляет необычный сплав традиционной русской прозы с авангардистскими поисками. Техническая оснащенность писателя удивительна <...> Он сумел создать свой мир, особый мир, при этом не выдуманный, а реально существующий. У него нередки романтические ситуации, необычные характеры, люди с каким-то художественным изломом. В его рассказах порой можно почувствовать некоторую духовную приемственность с тем умонастроением, какое было характерно для таких разных писателей, как Иван Бунин, Леонид Андреев и Петер Альтенберг» (Пантелеймонов Н. Многогранный талант // Виктор Кречетов глазами друзей, учеников, писателей. С. 4).

В необычных по построению рассказах К. отражена мозаичность, импрессионистическая текучесть мира, передаваемая акварельными мазками, тонкими штрихами. В них всегда неожиданный, новеллистический финал,

«подсвечивающий» все содержание. К. уходит от социальных и политических вопросов, старается доверять своему впечатлению и им поверять правду о событии. Главные черты прозы К., по определению С. Воронина, автора предисл. к сб. «Солнечный сентябрь», куда вошли лучшие рассказы писателя, — «таинство и лаконизм» (С. 3). Судьбы героев К. таинственно предопределяются предметами (картины, фотографии, рисунки), вещами снами, видениями, преследующими героев и воскрешающими в их сознании события забытого прошлого, порой самые незаметные. Они-то и оказываются роковыми знаками-символами человеческой судьбы. Таинство ее и стремится постичь писатель. В рассказе **«Розовый день в Крыму»** герой обретает новые ориентиры в жизни благодаря увиденной им картине — крымскому этюду. Рисунок жены — редкий цветок амариллиса — помогает супругам преодолеть отчуждение и непонимание (**«Амариллисы»**). Ученый-генетик, едущий в купе поезда на юг, нечаянно разбивает семейное счастье молодой пары — Василия и Алены. Выясняется обман (Василий догадывается об измене жены — он воспитывает не своего ребенка) (**«Генетика»**).

Человек в прозе К. не волен распоряжаться своей судьбой. Она во власти случая, загадочных обстоятельств. Решается порой отзвуком внезапно вторгшегося через сон, воспоминание далекого события. Во мн. рассказах присутствует тема рока. Так, в рассказе **«Феникс»** озорной поступок подростка, поджегшего стог сена и сквозь пламя прыгнувшего «с каким-то отчаянно торжественным криком „Я — Феникс!“», таинственно повлиял на его судьбу (он погиб нелепо, как нелепо жил). Сходная ситуация в рассказе **«Сапсан»**.

Значительная часть рассказов К. посвящена теме любви, в раскрытии которой он весьма своеобразен и стоит особняком в совр. лит-ре. В его рассказах любовь роковым образом влияет на судьбы героев. Пытаясь постичь тайну этой могучей, загадочной стихии, К. моделирует порой невероятные, фантастические (на грани сюрреализма) ситуации, которые трудно отыскать в обыденной жизни. Действие происходит словно во сне (**«Запах вереска»**, **«В лодке»**). Поступки героев, находящихся во власти любовной стихии, ломающей их жизни, невозможно объяснить логически. «Пряный аромат чувственности, явственно различимый в этих рассказах, голос свободолюбивых сердец — вот то, что помогает нам понять этих героев <...> Нестандартный и довольно свободный под-

ход к теме, к общепринятым нормам морали ставит автора в ряд искателей новых путей в литературе. Он отстаивает индивидуальное бытие человека в обществе, бытие, которое обретается в сложном взаимодействии интеллекта и эмоций» (Лит. Современник. 1991. № 3). При всей загадочности развития событий в рассказах К. чувствуется красота и трепетность жизни. О специфике худож. решения любовной темы Г. Муриков в рецензии на сб. «Избранное» писал: «Любовь, особенно физическая страсть, постоянно, совсем по-пушкински, сопряжена у Кречетова с угрозой кары, безумия, смерти. И хотя перед нами не „Египетские ночи“, но принцип единства смерти и любви остается неизменным. Все живое любит и погибает»» (Лит. Петербург. 2001. № 13).

К. известен как поэт, «достойный наследник Тютчева» (Ахматов А. Дворцовый садовник // Виктор Кречетов глазами учеников, друзей, писателей. С. 200). В 1998 вышла первая его книга стихов **«Мой сад»** (избранное), состоящая из 3 разделов, запечатлевшая вехи творческой эволюции поэта, совершившейся под знаком движения от бунтарского авангарда к классической традиции русской поэзии.

В разделе «Пифизмы» собраны ранние (авангардистские) стихи. Зрелые стихи представлены в разделах «Сны», «Два цветка». Поздний К. — поэт религиозно-философского мировосприятия. Основные мотивы его лирики — любовь, жизнь и смерть, красота и непостижимость мира. Лирический герой К., восторгающийся красотой природы, ее гармонией («И вижу, подчинясь нитю, / В извивах трепетных листа / Судеб неведомые нити / И мудрость Божьего перста») (**«Пробуждение»**, 1978) страшится мысли о смерти, посещающей его: «Как светлый дар господний день приемлю / Траву любя, леса и облака, / Когда они, бросая тень на землю, / Плывут, как лебеди, белее молока. / И только мысль о бытии ином / Смутит порой распахнутую душу...» (**«Как светлый дар господний день приемлю...»**, 1995). Смерть воспринимается лирическим героем, обладающим философским знанием о мире, как предопределение свыше: «Кто может знать наверняка, / Умрет душа или бессмертна / Она скитается века — / Судьбе подвластна и инертна? / И если так, то почему / Страшится смерти человек? / О чем жалеть тогда ему, / Коль путь его Господь предрек». Происходит примирение героя с действительностью, что становится залогом сердечного покоя. Мотив поиска и обретения покоя — один из основных в лирике К.

Чувство душевного равновесия поэт обретает и в творчестве, задумываясь о том, что такое слово, поэзия, в чем предназначение поэта и поэзии. Несмотря на заверение «Я пушкинской строки не напишу», служение Музе он воспринимает как долг: «Живу строкой, строкой дышу / И нахожу / Великую отраду / При мысли, что случайная душа / И мне, быть может, сердцем отзовется». В стих. **«Не просто жить среди этой кутерьмы...»** (1997) поэт скажет: «И, может быть, за то, что сквозь потемки / Я честно нес словесные вериги, / Произнесут когда-нибудь потомки, / Что жизнь моя была достойна книги».

Важное место в поэзии К. занимает любовная лирика. Лучшие стихи — **«Желание»** (1993), **«Чтоб наши души в жизни повстречались...»** (1994), **«Как двум плывцам в безбрежном океане...»** (1994). «Они выявляют сущность его натуры: и в любви, как и в Боге, он стремится обрести нечто твердое, неколебимое, можно сказать, предопределенное» (Пантелеймонов Н. «Когда весь мир с тобой наедине...» // Лит. Петербург. 1998. № 1).

Во мн. стихах К. слышится эхо тютчевской традиции: «И сих царей умолкли имена, / Гласят о них лишь камни гробовые. / И грозные истлели знамена, / Вещавшие в минуты роковые» (**«Вестминстерское аббатство»**, 1996). «Вам не понять российской смутной воли / И наших бед последнего витка, / А мы страдаем до последней боли, / Вникая в суть вселенскую цветка» (**«Западу»**, 1991). В этом же ряду — **«Бывают дни такие у природы...»** (1991), **«Когда весь мир с тобой наедине»** (1995), **«Поэт»** (1991) и др.

Второй сб. стихов К. **«Я снился бабочкой себе»** (2000) подтвердил верность поэта своим нравственным ориентирам. Программно для К. звучит стих. **«На мой уход ничто не отзовется...»** (1994): «На мой уход ничто не отзовется, / И на заре невиданного дня / Беспечный мир, как прежде, улыбнется, / Но в нем не будет места для меня / <...> Посеюсь маком, расцвету сиренью, / И протекую таинственным ручьем, / И уподоблюсь ангельскому пенью, / Но только знать не буду я о том».

Мн. стихи сб. выявляют новые качества поздней лирики поэта: рефлексивность, пессимизм: «С молодых ногтей пытался я понять / Что значит жизнь и кто ее создатель? / Пылливой мыслью был готов принять / И божий гнев, и светлой благодати. / Но жизнь прошла, и что она была — / Постичь не удалось

мне ни на йоту. / Как облако над полем проплыла / Счастливый дар немому идиоту (**«С молодых ногтей пытался я понять...»**, 1999).

Итоговый сб. **«Голоса и лица. Стихи разных лет»** (2004) дает достаточно полное представление о К.-поэте.

В книге **«Яйцо Леды»** (2003) собраны статьи, рецензии, воспоминания о лит. и худож. жизни Ленинграда-Петербурга, написанные К. в 1975–2002, а также лит. портреты писателей-современников, заметки по общему вопросам искусства.

Широкую известность К. приобрел и как педагог, мн. годы возглавляющий детско-юношеский лит. клуб «Дерзание» при Санкт-Петербургском городском Дворце творчества юных.

Соч.: Это имя твоё: сб. статей. М., 1983; Верность выбора: сб. статей. М., 1986; О любви: рассказы. Л., 1989; Камни со дна реки: рассказы. Л., 1990; Тайны любви: рассказы. Л., 1991; Мой сад: стихотворения. СПб., 1996; Солнечный сентябрь: рассказы. СПб., 1998; Я снился бабочкой себе...: стихотворения. СПб., 2000; Малышка-медуза: рассказы. СПб., 2000; Избранное: стихи и проза. СПб., 2001; Яйцо Леды. СПб., 2003; Голоса и лица: Стихи разных лет. СПб., 2004.

Лит.: Балувев С. Любовные секреты // Примечания. Вып. 1. Л., 1990; Пантелеймонов Н. Еще раз о любви // Лит. вестник. 1991. № 3; Беззубцев-Кондаков А. Виктор Кречетов // Императорская муза. СПб., 1996. С. 322–329; Беззубцев-Кондаков А. Светлый дар // Музы на Фонтанке. СПб., 1998. Вып. 5. С. 45–48; Морозов Г. Пройдут свиданья и разлуки // Музы на Фонтанке. 1998. Вып. 6. СПб., 1998. С. 98–102; Коняев Н. Современная несовременность // Морская газ. 1999. 9 нояб.; Солохин Н. Новая книга Виктора Кречетова: О сб. «Солнечный сентябрь» // Новый Петербург. 2000. 20 янв.; Беззубцев-Кондаков А. Символика судьбы // Музы на Фонтанке. 2000. Вып. 7. СПб., 2000. С. 126–129; Муриков Г. Отражения // Лит. Петербург. 2001. № 3.

В. Н. Запелалов

КРЕЧЕТОВ Сергей (настоящее имя Сергей Алексеевич Соколов) [25.9(7.10).1878, Москва — 14.5.1936, Париж] — поэт, критик, издатель.

К. родился в богатой семье, окончил юридический ф-т Московского ун-та и был присяжным поверенным. Увлёкшись поэзией, стал выступать со своими стихами; в 1902 появились его первые публикации в ж. «Северные цветы».

В 1903 К. организовал изд-во «Гриф» и начал выпускать альм. под тем же названием. В альм. печатались произведения преимуще-